

С.В. Дмитриев

ИВ РАН, ИСАА МГУ

Размышления о 2-м томе «Истории Китая»

Как и многие мои коллеги, я с самого начала с большой настороженностью относился к проекту т.н. 10-томной истории Китая. Кажется, с первых недель было очевидно, что идея «догнать и перегнать» Кембриджскую историю Китая крайне рискованна и к тому же не вполне лежит в плоскости академической науки. Заслуги отечественного китаеведения бесспорны, но в то, что в современных условиях удастся мобилизовать ресурсы, достаточные для того, чтобы достойно соперничать с результатом многолетнего труда лучших учёных мира¹, поверить было нелегко. Тем более, что перед авторскими коллективами ставились крайне сжатые сроки – также не в пример кембриджским обычновениям.

Однако, несмотря на скепсис значительной части китаеведов, проект двигался вперед. На мой взгляд, в ходе работы над ним был допущен ряд принципиальных просчётов, из которых важнейшими я полагаю отказ от иероглифики и ссылок на источники и литературу – популяризации текстов, стремлением к которой объяснялась подобная политика, это поспособствовать не могло, а вот научная и справочная ценность издания от этого, без сомнения, должна была пострадать. Второй же ошибкой, которая до поры не была очевидной, стало согласие руководства серии на внутреннее, келейное рецензирование томов, без привлечения специалистов из других институтов. Мне известно, что многие специалисты ждали выхода первых томов серии без особенного оптимизма. Однако были превзойдены даже самые смелые ожидания.

Рассматриваемый 2-й том посвящён гигантскому периоду в истории Китая – с V в. до н.э. по начало III в. н.э., и, признаться, первый вопрос возникает уже к самому выбранному отрезку китайской истории – думается, что эпоху Сражающихся царств всё же правильнее

было бы рассматривать вместе с предыдущим, чжоуским периодом китайской истории, не объединяя с периодом империй Цинь и Хань. Именно такая периодизация была применена в лучшем, как мне кажется, произведении советского китаеведения, – серии «Этнической истории китайцев». Отступление от вполне разумного деления тем более странно, что авторы одной из книг серии – «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (М., 1983) – значатся среди авторов рассматриваемого тома, да и сама монография (повторюсь, я отношу её к одной из высочайших вершин не только отечественной, но и мировой синологии) многое дала тому: из её разделов состоит гл. 5 части III, часть IV, часть V, гл. 1 части VI и даже Заключение (кроме него, в томе наличествует и Послесловие). В томе есть и иные заимствования из книг былых времён – в части II легко узнать монографию Л.С. Переломова «Империя Цинь» (М., 1962), гл. 2 части VI представляет собой часть работы И.С. Лисевича «Литературная мысль Китая» и поэму Цюй Юаня *Ли сао* в переводе Анны Ахматовой с комментариями Н.Т. Федоренко и т.п. Причём, если в случае с текстами Цюй Юаня и И.С. Лисевича подобное заимствование оговорено, то в остальных обнаружение перепечаток, довольно бесцеремонно извлечённых от научно-справочного аппарата, довольно затруднительно.

К сожалению, именно заимствования в томе составляют его лучшую часть. Перечислять все огрехи в одной рецензии положительно невозможно – такая рецензия могла бы поспорить размерами с рецензируемой книгой, а это не полагается. Каждый желающий может с большим успехом заняться подобным поиском в разделах, посвящённых наиболее импонирующим ему проблемам – и будет щедро вознаграждён.

Однако для начала перечислим несколько крупных просчётов, которые невозможно не указать. Во-первых, книга лишена какого бы то ни было источниковедческого и историографического обзора. Вероятно, оба были принесены в жертву «популярности» текста. В итоге читатель начисто лишён сведений о том, на чём базируются авторы в своих построениях. В очень небольшой степени указанный недостаток компенсирует глава И.С. Лисевича, где перечисляются и кратко характеризуются некоторые основные письменные памятники – но она находится в самом конце тома.

Проблему отсутствия историографического обзора также не решает и избранная библиография – при своих внушительных размерах (20 страниц) она включает в себя множество совершенно излишних (как в избранной, так и в гипотетической полной библиографии китайской древности) книг, например, пятитомник С.Л. Тихвинского (М., 2006) или книгу М.Л. Титаренко «Китай: цивилизация и реформы»

(М., 1996), при этом в ней нет не только важных книг², но и многих упомянутых работ – например, той же монографии Лисевича, которая стала 2-й главой VI части тома.

Именно в области источниковой и историографической базы лежит один из крупных недостатков тома – почти полное игнорирование достижений мирового китаеведения последних двадцати-тридцати лет, которые, замечу, сильно изменили представления о древнем Китае, в том числе о времени, которому посвящён том. В последние десятилетия китайскими археологами было обнаружено огромное количество эпиграфических источников, которые позволили совершенно по-новому взглянуть на царства Цинь и Чу, на циньскую и ханьскую империи, на всю древнекитайскую историю. Теперь у историков есть тексты циньских и ханьских законов (которые оказались крайне близкими, почти тождественными, несмотря на утверждения традиционных письменных источников, что циньские законы были крайне жестоки, а законы Лю Бана – мягки и человечны³); документы циньского и чуского делопроизводства, которые показывают, как функционировали администрации этих царств; многое стало известно нам о религиозных представлениях древних китайцев, не отражённых в династийных историях⁴. Список можно продолжать. Всего этого авторы не смогли или не захотели рассказать читателю. Единственный эпиграфический корпус, упоминающийся в томе, – документы из Цзюйяни, которые были обнаружены в 1930 г. и в 1972–1976 гг.

Читатель почти ничего не узнает и об археологических находках ранних версий даосских памятников, в том числе *Дао дэ цзина*, которые позволили совершенно пересмотреть представления о ранней истории даосизма, и о многом, многом другом, чем, в сущности, и занимались коллеги авторов тома последние тридцать лет. Конечно, многотомные академические истории никогда не поспевают за научным прогрессом, но отставать на тридцать лет в момент издания – это чересчур. К тому же в эти тридцать лет была написана без преувеличения новая история древнего Китая, которая здесь проигнорирована.

Выше мы уже отмечали спорность хронологических рамок тома. Его содержание ни в коей мере не подтверждает правильности такого выбора – эпоха Чжаньго описана крайне странным образом – её насыщенной более чем 200-летней политической истории всего 14 страниц (из почти 700 страниц тома); остальные 100 с небольшим страниц, формально посвящённых Чжаньго, на самом деле описывают основные философские школы древнего Китая, большинство из которых зародилось ещё в предыдущий период Весен и Осеней.

Том изобилует и мелкими ошибками и неточностями, найти и перечислить которые полностью практически невозможно, поэтому отметим лишь некоторые.

Немалый процент несуразностей книги объясняется её сложно-структурой, в которой нашли место и дословные цитирования сотен страниц давних работ, и главы, написанные специально для нее. Далеко не всегда редактором обнаруживались те места, где эти две составляющие вступают в борьбу друг с другом⁵. Например, на с. 245 можно найти крайне странную информацию о взаимоотношениях Лю Бана и сюнну – «Иногда набеги сюнну превращались в рейды далеко в глубь (sic! – С.Д.) китайской территории. Так, в 200 г. до н.э. сюнну захватили г. Пинчэн (ныне Датун в пров. Шаньси). Не располагая достаточными военными силами для отражения нападений сюнну, ханьский император решил в знак мирных намерений направить *шаньюю* в качестве невесты одну из ханьских принцесс». В этом отрывке неверно почти всё, вернее, в нём отсутствуют реальные факты. На самом деле под Пинчэном Лю Бан вместе с 300-тысячной армией попал в окружение, и под угрозой гибели был вынужден, следуя совету Лю Цзина, заключить с кочевниками «договор о мире и родстве» (*хэ цинь юэ* 和親約), согласно которому *шаньюю* получал в жёны ханьскую принцессу (что, впрочем, не избавляло империю Хань от обязательств выплаты крупной и унижительной дани). Это крайне важный момент, поскольку «договоры о мире и родстве» были основным видом соглашений между Китаем и кочевой периферией в периоды усиления Степи вплоть до падения Сун, и первый договор был заключён как раз Лю Баном. Правда, им же была начата и традиция нарушения соглашений – *шаньюю* получил в жёны вовсе не принцессу, а простолюдинку, и обман вскоре раскрылся. Возможно, автор главы располагает какими-то иными данными или составители тома предлагают какую-то иную концепцию отношений империи Хань с сюнну? Вовсе нет – на с. 396–400 можно найти вполне традиционное и весьма полное изложение событий. Просто редактор не счёл нужным привести две главы к общему знаменателю.

Подобных примеров, иллюстрирующих довольно свободное обращение с историческими событиями авторов «новых глав» тома и одновременно – нежелание его редакторов увязывать «новые главы» с кусками, взятыми из давно изданных работ, можно привести немало. Вот что на той же с. 245 рассказывается о попытках У-ди найти союзников в войне против сюнну: «К северу и югу от бассейна р. Тарим в оазисах располагались города-государства, такие как Чэши, а также государства народов *юэчжи* и *усуней*. Они в той или иной степени испытывали на себе политическое давление сюнну. В 139 г. до н.э. туда был направлен первый китайский посол, чтобы попытаться создать союз против сюнну. На пути к *юэчжи* он был захвачен сюнну и оставался у них в плену в течение десяти лет. *Юэчжи* же отошли далее на

запад и наконец поселились в плодородной области в бассейне Сырдарьи (совр. Узбекистан). *Усуни*, позднее проживавшие в бассейне р. Или (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район), выступили союзниками Хань в борьбе с сюнну». Исходя из этого текста, можно подумать, что юэчжи жили «к северу и югу от бассейна р. Тарим» на момент отправления посольства и отошли на запад за те десять лет, пока он находился в плену. Это не так. Юэчжи были разбиты сюнну ещё при Маодуне, к 176 г. до н.э.⁶; к 165 г. до н.э. они были окончательно разгромлены и покинули родные места⁷. Около 160 г. юэчжи появились в Фергане, к 141 г. вторглись в Согдиану⁸. Не всё гладко и с датой посольства – если автор имел в виду посольство Чжан Цяня (иного нам неизвестно), то оно отправилось из Китая в 138 г. до н.э. (о чём содержится верная информация на с. 408). Имя посла, видимо, появляется на с. 246 – там сообщается, что «именно У-ди проявлял неустанное стремление взять сюнну в кольцо и заключить соглашение с Большим Юэчжи (Кушанское царство). Он специально, как впервые выяснила российский исследователь Л.А. Боровкова, послал Чжан Цяня для заключения нужных договоров, но безрезультатно». Вероятно, всё же имеется в виду Чжан Цянь, чьё настоящее имя упоминается, в частности, на вышеуказанной с. 408. Также, признаться, абсолютно непонятно, в чём же заключается заслуга Л.А. Боровковой – о подобном намерении У-ди открытым текстом писал Сыма Цянь⁹.

На с. 256 нам сообщают, что «в 97 г. ханьский император послал посольство в государство Дацинь, находившееся на далёком Западе. Так китайцы в то время называли, по-видимому, Рим. Однако ответное посольство прибыло в Китай только в 166 г.». Даже само по себе предположение, что посольство может быть отправлено в качестве ответа на прибывшее семьдесят лет до того, кажется нам достаточно рискованным, но ещё более странно, что на с. 408 то же самое посольство вполне резонно характеризуется как «фальшивое» – почти наверняка за посла Марка Аврелия выдал себя предприимчивый купец (возможно, даже и не римлянин), который хотел обменять свои товары на шёлк (в чистом виде торговля шёлком в Китае не существовала – иноземные купцы, желавшие его заполучить, должны были выдавать себя за послов почтительных вассалов китайского императора).

К сожалению, далеко не все странности в «новых главах» пояснены и исправлены в «старых». На с. 240 читатель может встретить следующее, довольно оригинальное описание правления императрицы Люй-хоу: «После внезапной смерти Лю Бана во время одной из военных кампаний в 195 г. до н.э. управление страной фактически взяла на себя его жена императрица Люй. Она представляла интересы своего сына – императора Хуй-ди, а также ещё двоих своих малолетних

сыновей. При ней наконец наступила эпоха мира, прекратились войны, которые практически непрерывно шли в Китае с V в. до н.э.... Во время регентства императрицы Люй в стране царил мир, что заложило основу для будущего процветания и расширения империи». Нет никакого сомнения, что регентство Люй-хоу у Сыма Цяня описано довольно мрачными красками, но всё же кажется, что в данном месте автор несколько переусердствовал с её реабилитацией – несмотря на определённые успехи во внутренней политике, Люй-хоу совершила немало ошибок во внешней, сильно сократив ареал влияния империи. К тому же нет никакого сомнения, что правление, в рамках которого был срежиссирован династический кризис и физически устранены едва ли не все представители правящей династии, вряд ли может быть охарактеризован столь позитивно. Правление Люй-хоу показало, что империя Хань и династия Лю сильнее, чем кажутся – но не думаю, что в этом стоит видеть заслугу самой императрицы, явно стремившейся если не уничтожить империю, то ослабить власть императорского рода.

На с. 245 сообщается, что «в 134 г. до н.э. китайцам удалось заманить войско сюнну в западню и разгромить его в битве при Май (севернее совр. пров. Шаньси)». Это, утверждение, безусловно, основано на каких-то источниках, известных лишь автору главы: остальные историки, вероятно, заблуждаются, издавна полагая, что никакой битвы при Май вовсе не было, а была неудачная попытка ханьской армии заманить войско *шаньюя* в западню. Попытка эта провалилась, но знаменовала собой конец «худого мира» между империей сюнну и Китаем¹⁰.

На с. 246 читатель узнает про ещё одно событие в истории взаимоотношений Китая с Средней Азией: «Через четыре года (104 г. до н.э. – С.Д.) китайцы направили караван в Ферганскую долину (совр. Узбекистан) с целью покупки местных скакунов». Видимо, так автор видит трёхлетнюю экспедицию многотысячной ханьской армии (в сорокадневной осаде Даюани в 101 г. до н.э. принимали участие 30 тысяч солдат) генерала Ли Гуан-ли, которая завершилась капитуляцией неприятеля, убийством даюаньского правителя и выдачей ханьцам требуемого количества лошадей¹¹. Добавим, что этой кампании предшествовала неудачная и кровопролитная экспедиция 110 г. до н.э.¹²

На с. 251 и 252 крайне странно описано свержение Ван Мана – во все не упомянуто имя Лю Яня (Лю Бо-шэна) – основного лидера ханьских лоялистов на раннем этапе восстания; совершенно не объяснено, почему в итоге к власти пришёл именно Лю Сю (император Гуан У-ди) – не указано, что именно он командовал войсками восставших во время решающего сражения с армией Ван Мана при Куньяне, проигнорированы его заслуги в усмирении Северного Китая.

Возможно, автор главы полагал, что заслуги Лю Сю преувеличены Бань Гу (что вполне вероятно), – но всё же не стоило строить текст так, чтобы основатель Восточной Хань появлялся в нём буквально как чёрт из табакерки.

Помимо ошибок и неточностей, в томе немало и разного рода экстравагантных формулировок, которые указывают на явно недостаточный объём проведённой над ним редакторской работы. Например, на с. 20 упоминается «цинский царь Сяо Гун» – при том, что в русской научной традиции титул *гун* принято писать с маленькой буквы и через дефис с именем (Сяо-гун). К тому же его совершенно неверно именовать царём – ведь титул *вана* был принят только его сыном.

На с. 186 автор делится с нами следующим глубокомысленным замечанием: «В 1953 г. правительство КНР отстроило заново часть стены у Бадалина, в 70 км с лишним к северо-западу от Пекина; правда, этот отрезок был воздвигнут при династии Мин, однако он мало чем отличается от цинской стены, ибо китайские строители, верные духу традиции, всегда старались скопировать первоначальный образец». Комментарии тут, право же, излишни – если китайские строители в 1953 г. и правда могли восстановить для туристов минскую стену более-менее близко к оригиналу (хотя по этому поводу тоже есть разные мнения), то всё равно совершенно непонятно, как минские строители могли в XVII в. «скопировать первоначальный образец» – ни одного фрагмента цинской стены, тем более в сохранности, достаточной для того, чтобы стать «образцом», до минского времени не дошло.

На с. 255 Е.И. Кычанов неожиданно именуется тюркологом. Его перу действительно принадлежит ряд работ по кочевым государствам, но тюркологом крупнейший отечественный тангутовед и китайист может быть назван лишь с большой натяжкой. И конечно, он никак не может быть охарактеризован только как тюрколог.

На с. 264 содержится, вероятно, самая удивительная фраза тома, посвящённая зданию волостного управления: «Публичная жизнь *сяна* сосредоточивалась в особом здании – *тин*, судя по начертанию обозначающего его иероглифа, двухэтажном». Во-первых, ссылка на начертание иероглифа в книге, основной корпус которой этих иероглифов полностью лишён, уже похожа на шутку. Во-вторых, реконструкция архитектурного облика здания по форме иероглифа – это положительно новое слово в науке, тем более, если искомое здание принадлежит к ханьской эпохе, а иероглиф (вместе со своим начертанием) широко засвидетельствован ещё в шанских гадательных надписях¹³.

Особая статья неудач тома – иллюстрации. Многие из них разбросаны по книге в, как кажется, случайном порядке – например, портреты Мэн-цзы и Сюнь-цзы почему-то встречаются не вблизи их

первого упоминания в тексте, а в главе о легизме, и т.п. Учёному и поэту Чжан Хэну, включая портрет, посвящено три иллюстрации (причём одна из них на с. 328, изображающая изобретённую им *чжунань чэ* «повозку-компас», глубокомысленно подписана как «действующая модель колесницы») – и этот факт, сам по себе ничем не примечательный, становится поистине загадочным, если учесть, что про самого Чжан Хэна в книге не сказано ни слова¹⁴.

Некоторые иллюстрации также, в свою очередь, содержат грубейшие ошибки – например, на с. 420 представлены изображения монет, где характернейшие ножевидные монеты Ван Мана названы западноханьскими, а циньский *бань-лян*, форма которого установила норматив для всех традиционных китайских монет, загадочно пояснён как «монета царства Ци и Янь», что не только неверно, но и может оставить у читателя принципиально неверное впечатление, будто отдельные чжаньгоские царства пользовались одинаковыми монетами. На этом перечень грубых ошибок на одной иллюстративной странице не исчерпывается – одна из фотографий подписана как «форма для чеканки монет». К сожалению, это не опечатка – «чеканка» монет упоминается авторами и на с. 243. Видимо, им неизвестно, что в традиционном Китае монеты не чеканились, а отливались, или же они не видят в этих двух технологических процессах разницы, достойной того, чтобы различать два понятия.

Что можно сказать в заключение? Выводы крайне неутешительны. Как ни странно, наличие подобной фразы в рецензии на академическое издание – его научные недостатки (прежде всего, игнорирование научных достижений последних десятилетий) не являются наиболее досадными. По сути, перед нами издание, над которым не было проведено даже черновой редакторской работы. Судя по всему, буквально не нашлось ни одного человека, который бы прочёл том от начала до конца перед его сдачей в тираж – ничем иным невозможно объяснить мириады катастрофических ошибок и оплошностей, ничтожная толика коих была перечислена выше. Больше всего том напоминает халтурные поделки, в обилии попадавшие на книжные прилавки лет двадцать назад – тогда ловкие безымянные люди по заказу массовых издательств в кратчайшие сроки компоновали из чужих текстов пухлые тома на любые темы. К сожалению, по сути рецензируемая книга отличается от тех только хорошим качеством бумаги.

Но и не только этим. Никто не стал бы обращать внимание на появление ещё одной «Истории Китая», если бы на её обложке не стояли громкие имена востоковедных академических институтов, академиков и профессоров. Если бы авторами и редакторами тома не были бы учёные с мировым именем, авторы великолепных, новаторских книг и статей, на которых выросло не одно поколение китаеведов.

Если бы она не была издана в солидном востоковедном издательстве. Сейчас же нам предлагается не просто халтура – а халтура, подписанная и рекомендованная лучшими российскими синологами. Это нонсенс, который не имеет права на существование.

Я не буду перечислять опасности, которые подобный продукт представляет собой для молодых, для студентов, в чьи учебные библиографии эта книга обречена попасть. Скажу о другом – не секрет, что российское китаеведение переживает не лучшие времена. И именно поэтому мы категорически не должны допускать появления подобных поделок – книг, не предназначенных к прочтению. Начинаящая выходить сейчас 10-томная «История Китая» должна представлять собой квинтэссенцию всего лучшего, что есть в российской синологии – и что же мы видим взамен? Не нужно большой ловкости, чтобы на основании анализа только данного тома открытым текстом обвинить всё российское китаеведение в отсталости, маразме, беспомощности и банальной недобросовестности, по сути, поставить вопрос об осмысленности государственной поддержки подобной «науки». Мы не можем сами вкладывать оружие в руки наших недругов.

Не исключено, что сейчас отечественная синология не в состоянии подготовить академическую «Историю Китая» на достойном уровне. Это непростое дело, возможно, по силам только объединённым силам мировой науки. Это большой труд. Но что мы точно не должны делать – пытаться выдать за академическую историю низкокачественные поделки. Это мелкое шулерство не только не к лицу российскому китаеведению – оно способно поставить точку в его печальной и славной истории. Мне бесконечно больно, что уважаемые мной авторы и редакторы тома – среди которых замечательные ученые, мои учителя – дали втянуть себя в эту авантюру.

Мои предложения просты и, как мне кажется, очевидны. Тираж тома должен быть немедленно отозван и уничтожен. Выход остальных томов 10-томника должен быть приостановлен до того момента, пока будет разработан работающий механизм внешнего рецензирования томов. Требования к качеству текстов, редакторской работе должны быть кардинально повышены. Только так мы сможем частично исправить допущенную ошибку и предотвратить новые.

Dixi.

Примечания

¹ Работа над составлением Кембриджской истории Китая ведётся уже более сорока лет (1-й том вышел в 1978 г.), но она ещё далека от завершения – из запланированных 15 томов в 17 книгах вышли 13 книг (недостаёт тома, посвященного раннему средневековью от Троецарствия до Южных и Северных династий, 2-го тома об эпохах Суй и Тан, 2-й части сунского тома, 2-й части цинского тома). К тому же составители серии сознательно отказались

от написания истории древнего Китая до эпохи империй – с их точки зрения, этот период пока изучен совершенно недостаточно.

² Например: *Loewe M. Everyday Life in Early imperial China during the Han period 202 BC – AD 220. L., 1968* (рус. пер.: *Лёве М. Китай династии Хань. М., 2005*). Также в библиографии нет ни одной работы крупнейшего китайского археолога – специалиста по Хань Ван Чжун-шу, ни одной работы ведущих современных специалистов по древнему Китаю – Лотара фон Фалькенхаузена и Юрия Пинеса. Список упущений, к сожалению, можно продолжать почти бесконечно.

³ В связи с этим, в частности, довольно странно выглядит громкое утверждение авторов тома, что империя Цинь была основана на концепции «народ для государства», а империя Хань была «государством для народа» (с. 10).

⁴ О некоторых эпиграфических памятниках такого рода существуют работы и на русском языке; см., например: *Корольков М.В. Судебник из Чжанцзяшань: некоторые проблемы изучения раннеханьских законодательных текстов на бамбуковых планках // XXXIX НК ОГК. М., 2009; Корольков М.В. «Статут о полях» (тянь люй) из раннеханьского погребения № 247 в Чжанцзяшань и некоторые проблемы реконструкции древнекитайского земельного законодательства // XL НК ОГК. М., 2009; Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов») / Палеографические документы древнего Китая / Изд. текста, пер. с китайского, вступ. ст., коммент. и приложения М.В. Королькова // Памятники письменности Востока, CXLI. М., 2013; *Гомулин А.Л. Космогония Тай-и шэн-шуй: опыт анализа текста в исторической перспективе // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. М., 2013; Гомулин А.Л. «Когда мир казался туманным и тёмным»: космогонический миф Чуского шёлкового манускрипта из Цзыданьку // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. М., 2014; *Целуйко М.С. Циньские эпиграфические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н.э.) // Вопросы эпиграфики, Вып. V. М., 2011.***

⁵ Впрочем, нами отмечен и случай полной симфонии – на с. 186 и 392 можно найти примерно полстраницы полностью совпадающего текста про Великую китайскую стену. Как цитата он не выделен ни в одном из случаев.

⁶ См.: *Сьма Цянь. Исторические записки. Т. VIII. М., 2002. С. 333.*

⁷ См.: *Сьма Цянь. Исторические записки. Т. IX. М., 2010. С. 201.*

⁸ *Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. 1. М., 2004. С. 271.*

⁹ См.: *Сьма Цянь. Исторические записки. Т. IX. М., 2010. С. 199.*

¹⁰ См.: *Сьма Цянь. Исторические записки. Т. VIII. М., 2002. С. 341.*

¹¹ См.: *Сьма Цянь. Исторические записки. Т. IX. М., 2010. С. 211–214.*

¹² Про эту экспедицию говорится на с. 409 – правда, она описывается как завершившаяся успехом (смешивается с кампанией 104–101 гг. до н.э.). Эта ошибка перекочевала в рецензируемый том из монографии «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (с. 129).

¹³ Хань-ной да цзы-дянь (Большой словарь знаков китайского языка). Соинь бэнь (Издание уменьшенного формата). Хубэй–Сычуань, 1996. С. 120.

¹⁴ Я намеренно оставляю за пределами рецензии мои мысли о том, какие важные моменты не отражены в томе – не хочу испытывать терпение читателя сверх меры.